

Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПЕРЦЕПТИВНОЙ И ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ЖИЗНЕОПИСАНИИ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО**

29

Эмотивная и перцептивная лексика рассматривается в аспекте отражения в ее семантике представлений о святом как важнейшем ориентире религиозного языкового сознания. Анализ языковых фактов проводится с позиций комплексного подхода, предложенного в трудах С. П. Лопушанской и предполагающего рассмотрение внутренней системной организации языковых единиц, парадигматических и синтагматических отношений на различных языковых уровнях, а также изучение особенностей функционирования единиц в контексте.

Показано, что отбор и специфика функционирования единиц с семантикой восприятия детерминируются особенностями языковой системы и существующими представлениями о святости. Рассмотрены средства языковой экспликации перцептивных процессов, значимых для описания святого. Установлено доминирование зрительного восприятия как процесса, определяющего взаимодействие с реальным миром (что отражено в прямых значениях языковых единиц), а также обнаруживающего связь с мыслительной деятельностью (отражено в переносных значениях языковых единиц). Описаны возможности экспликации процессов, находящихся за границами восприятия посредством органов чувств и открывающихся подвижнику по воле Господа.

При анализе эмотивной лексики, используемой в агиографических текстах, установлено, что лексика эмоций в житии выявляет существенные для понимания концепции автора смыслы, становится важным средством создания образа святого. Данные языковые единицы употребляются в ключевых фрагментах житийного текста с целью описания и характеристики людей, предметов и явлений действительности. При этом релевантны следующие параметры: характер обозначаемой глаголом эмоции (положительная / отрицательная) и ее интенсивность (низкая / средняя / высокая).

The authors study emotive and perceptual vocabulary through its semantic reflection of the holy as the most important component of religious linguistic consciousness. The complex approach offered in the works of S. P. Lopushanskaya served as the basis for analyzing the language material. It examines the intralinguistic systemic analysis of language unit structures, paradigmatic and syntagmatic relations at various levels of the language hierarchy, and their functional application in various contexts.

The criteria for selecting lexical units with perceptual semantics as well as their pattern of use are determined by the language system peculiarities and current ideas of holiness. The paper reviews the means of linguistic explication of perceptual processes that are significant for describing holiness. The dominance of visual perception as a process that determines interaction with the real world (which is reflected in the direct meanings of linguistic units) and also reveals a connection with mental activity (reflected in the figurative meanings of linguistic units) has been established. The article describes expli-

cation of processes that are beyond the boundaries of perception by means of the senses and that open up to the men of faith.

When analyzing the emotive vocabulary used in hagiographic texts, it was found that the vocabulary of emotions in the life reveals the meanings that are essential for understanding the author's concept and becomes an important means of creating the image of a saint. These linguistic units are used in key fragments of the hagiographic text in order to describe and characterize people, objects and phenomena of reality. In this case, the following parameters are relevant: the nature of the emotion indicated by the verb (positive / negative) and its intensity (low / medium / high).

Ключевые слова: жизнеописание, образ подвижника, эмотивная лексика, перцептивная лексика, лексическая семантика, функционирование, Николай Японский

Keywords: hagiography, man of faith, emotive vocabulary, perceptual vocabulary, lexical semantics, functioning, Nikolay Yaponskiy

Введение

Обращение к памятникам агиографии стало традиционным для отечественной науки, поскольку жития на протяжении веков оставались популярным чтением и несли в себе исключительное по своей значимости духовное содержание, определяющееся заключенными в них нравственными ориентирами. Тем не менее продолжают оставаться актуальными проблемы, связанные с необходимостью полного и всестороннего описания языковых особенностей системы агиографических текстов, что в наибольшей мере проявляется применительно к текстам, созданным в новое время.

Материалом для исследования послужили языковые факты, извлеченные методом сплошной выборки из «Жизнеописания святого равноапостольного Николая Японского» [11], относящегося к современному периоду развития агиографии (подробнее о периодизации агиографии см.: [4]).

Изучаемый текст определяется составителем как «жизнеописание». Он создан в современной агиографической традиции с привлечением обширного документального материала и содержит отсылки к документам, письмам, воспоминаниям современников. Этот материал Е. К. Макаренко называет «околожанровым пространством жития»; он не только раскрывает факты биографии, но показывает внутреннюю жизнь человека [8, с. 97]. Использование фотографий только подчеркивает фактологическую ориентацию жизнеописания и сближает его с биографическим повествованием.

Работа над житийным текстом требует от агиографа особого внимания к отбору языковых единиц, используемых для создания образа святого, поскольку именно он отражает представления о религиозно-нравственном идеале. Одно из центральных мест при этом отводится описанию внутреннего мира, моделирование которого невозможно без учета перцептивных и эмоциональных процессов (см.: [5]).

Методология и методы

Языковые факты анализируются с опорой на положения комплексного подхода, предложенного в трудах С.П. Лопушанской [6; 7]. Изучение специфики функционирования лексем проводится с учетом изменений в значениях словоформ, установление которых исключительно важно, поскольку эти изменения фиксируют изменения во взаимодействии человека с окружающим миром, а также появление новых отношений между людьми.

Общность подходов к анализу фактического материала, взаимосвязь восприятия информации об окружающем мире и эмоциональных психических процессов обеспечивает возможность описания в рамках одной статьи перцептивной и эмотивной лексики. Мы исходим из положения об их тесной связи, проявляющейся в том, что результаты восприятия часто становятся основой для формирования эмоций (подробнее см.: [1]).

Перцептивная семантика может быть выражена языковыми единицами разной частеречной принадлежности, ядерными среди которых являются глаголы. Придерживаясь деятельностной трактовки восприятия, мы рассматриваем их как единицы, формирующие отдельную лексико-семантическую группу, которая входит в состав лексико-семантического поля 'действие'.

Под эмотивной лексикой (эмотивами), вслед за Л.Г. Бабенко, мы понимаем совокупность «лексики эмоций», служащей для обозначения эмоциональных переживаний, и эмоциональной лексики, используемой для выражения чувств [2, с. 14].

Результаты и обсуждение

Особенности реализации перцептивной семантики в современном жизнеописании

Специфика перцепции как вида деятельности задается несколькими факторами, прежде всего активностью / пассивностью воспринимающего субъекта и каналом получения информации. В связи с этим перцептивные глаголы анализируются нами с учетом их дифференциации по разным основаниям. В зависимости от характера воспринимающего субъекта (активный / пассивный) выделены глаголы преднамеренного и непреднамеренного восприятия. В зависимости от определяемого каналом получения информации способа восприятия (в другой терминологии — модальности, модуса перцепции) выделены подгруппы глаголов с общим значением восприятия, зрительного восприятия, слухового восприятия, обоняния, осязания, а также глаголы, обозначающие восприятие на вкус.

Для создания образа равноапостольного Николая Японского в жизнеописании используются единицы, относящиеся к трем из названных выше подгрупп, — глаголам с общим значением восприятия, зрительного и слухового восприятия. Перцептивные глаголы также употребляются при описании людей из окружения святителя.

Особенность изучаемых агиографических текстов состоит в отсутствии глаголов, обозначающих получение информации посредством обоняния, осязания и вкуса, что, как представляется, свидетельствует о нерелевантности этих перцептивных процессов для изображения святого.

1. В анализируемом жизнеописании представлены глаголы *почувствовать* и *предчувствовать*, связанные отношениями производности с *чувствовать*, входящим в группу глаголов с общим значением восприятия. Эти глаголы требуют отдельного рассмотрения, поскольку в современном русском языке часто используются для номинирования процессов, не связанных с восприятием, но при этом сохраняют «реликты» древнего перцептивного значения (подробнее об этом см.: [10]).

Прямым для общеупотребительного глагола *почувствовать* является широкое значение «испытать какое-л. физическое ощущение, состояние и т. п.» ([12, т. 3, с. 346], см. также: [12, т. 4, с. 689]). В исследуемом жизнеописании глагол *почувствовать* отмечен в следующем контексте: *И вот, во время богослужения он [св. Николай] вдруг почувствовал призыв Божий, решив, что должен ехать в Японию* [11, с. 12]¹. Глагол употребляется в сочетании с существительным абстрактной семантики (*призыв*). Такая сочетаемость актуализирует не прямое значение, которое связано с интуитивным представлением о своей дальнейшей судьбе и дано в словарях как «воспринимать интуицией, чутьем» ([12, т. 3, с. 346]; см. также: [12, т. 4, с. 689]), «интуитивно, чувством угадать, найти, усмотреть» [3, с. 949].

Глагол *предчувствовать* является в современном русском языке моносемичным. Он реализует значение «иметь предчувствие чего-л.» [12, т. 3, с. 374, 962], в котором и отмечен в исследуемом жизнеописании: *Он предчувствовал многие беды для России и горячо молился о своей заблудшей Родине* [11, с. 38]; *Предчувствуя войну, святитель Николай молился о примирении России и Японии* [11, с. 53].

2. Глаголы зрительного восприятия могут быть разделены на две подгруппы — непреднамеренного и преднамеренного восприятия. Из отмеченных в изучаемом тексте к глаголам непреднамеренного зрительного восприятия относятся *видеть* (*увидеть*), *узреть*.

Базовый глагол зрительной перцепции *видеть* представлен в жизнеописании единичными случаями использования, что отличает исследуемый текст от многих других, в которых данный глагол является широкоупотребительным. В записи из дневника святителя Николая находим: «*Вижу — худ до невероятности, кости сильно выдались на совершенно изменившемся в своем цвете лице* [11, с. 30]. Глагол *видеть* функционирует в сочетании с придаточным предложением, содержащим описание человека. В данном случае важны внешние изменения, происшедшие с этим человеком и составляющие ту информацию, которая может быть воспринята с помощью органов зрения.

Глагол *увидеть* представлен в жизнеописании в следующих контекстах: *После почти восьми лет отсутствия святой вновь увидел Россию*

¹ Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника.

[11, с. 38]; Он радовался, что снова **увидел** Родину, смог пообщаться с родными и друзьями [11, с. 38]. Глагол употребляется в сочетании с существительными *Россия*, *Родина*, которые называют не один объект, но, скорее, большую совокупность объектов. Важна такая их характеристика, как конкретность, которая и определяет возможность восприятия с помощью органов зрения.

Отмечены также случаи использования глаголов непреднамеренного зрительного восприятия в непрямых значениях, например: *Прибыв в Японию, епископ Сергей быстро вошел в доверие к святителю Николаю, который **увидел**, что Бог исполнил его многолетнюю молитву – он обрел долгожданного преемника* [11, с. 61]; *Владыка Иннокентий сразу же **узрел** в молодом иеромонахе и родственную душу, и человека с похожей судьбой* [11, с. 14]. В первом контексте объект действия эксплицирован придаточным предложением, которое описывает ситуацию, предполагающую скорее осмысление информации, нежели ее восприятие. В данном случае актуализируется значение, которое определяется в словарях как переносное – «понять, осознать» [3, с. 1367; 12, т. 4, с. 451]. Глагол *узреть*, функционирующий во втором контексте, зафиксирован в словарях как «книжный» [3, с. 1378; 12, т. 4, с. 477]. Употребляясь в нашем материале в конструкции *в ком-л. кого-, что-л.* и будучи синонимичным глаголу *видеть* (*увидеть*), *узреть* реализует значение «усматривать, находить» [13, т. 2, с. 552].

Глаголы преднамеренного зрительного восприятия представлены в изучаемом тексте лексемами *взирать*, *смотреть*, *высматривать*, *просматривать*.

Глагол *взирать* не является частотным в современных житийных текстах. В рассматриваемом жизнеописании он также отмечен в единичных случаях использования, например: *Самоотверженность святого не могла не остаться незамеченной – японцы, поначалу **взиравшие** на него с ненавистью, проникались глубоким уважением к владыке* [11, с. 59]. Данный глагол, функционируя в конструкции с существительным в форме вин. п. с предлогом *на*, реализует значение «смотреть, глядеть (обычно выражая какое-л. чувство, настроение)» [3, с. 127]. Анализируемый глагол интересен в стилевом отношении. Он представлен в словарях с пометами «высокое» [3, с. 127] и «устарелое» [15, с. 89]. *Взирать* этимологически связан с глаголом *зреть*, который сохранил древнее перцептивное значение и определяется для современного русского языка как книжный [3, с. 371], устаревший [15, с. 283]. Данные словарей позволяют заключить, что глагол *взирать* употребляется весьма ограниченно, в том числе в текстах, связанных с религией.

В изучаемом тексте глагол *смотреть* отмечен в следующих случаях: *Когда они встречались в доме Гошкевича, Савабе всегда с ненавистью **смотрел** на отца Николая* [11, с. 23]; *«Всякому из нас тяжело **смотреть**, когда рядом с его чистым садом находится грязный, запущенный сад соседа...»* [11, с. 20]; *Тогдашние японцы **смотрели** на иностранцев как на зверей, а на христианство – как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи* [11, с. 17]. Использование контекстуальных уточнителей *с ненавистью*, *тяжело*, *как на зверей* способ-

ствуется актуализации в семантике рассматриваемого глагола компонентов, связанных с осознанием полученной информации, оценкой кого- или чего-л.

Глагол *высматривать* отмечен в жизнеописании святителя Николая в речи японца, настроенного против православной веры: «Вы, варвары, приезжаете **высматривать** нашу страну; особенно такие, как ты, вредны; твоя вера злая...» [11, с. 23]. В данном случае глагол используется при характеристике негативной, по мнению говорящего, ситуации и реализует значение «всматриваясь, искать кого-, что-л., следить за кем-л.», определяемое как непрямоe [3, с. 182].

Представленный немногочисленными случаями употребления глагол *просматривать* отмечен в следующем контексте: *Затем он **просматривал** списки крещеных, вступивших в брак и умерших данной общины* [11, с. 46]. Использование в сочетании с конкретным существительным *списки* актуализирует значение глагола, связанное со зрительным восприятием и являющееся для него прямым — «ознакомиться с содержанием чего-л., проглядывая, прочитывая» [12, т. 3, с. 523].

3. Глаголы слухового восприятия представлены лексемами *услышать, слушать, выслушать, послушать*. Среди них только *услышать* относится к глаголам непреднамеренного восприятия, остальные обозначают преднамеренную слуховую перцепцию.

Услышать употребляется для обозначения получения информации со слов других людей: «**Услышав** об этом, я хотел было обличить г-на Сакая, но с приходом последнего дело тотчас объяснилось...» [11, с. 30]; «**Услышав** обо всем этом, я был очень изумлен столь трогательным проявлением горячей верности по вере» [11, с. 30].

Глагол *слушать* представлен в сочетании с единицами, называющими реалии, которые могут быть восприняты на слух: «Кроме этой школы, я посещаю также и буддийскую школу при храме секты "Синсиу" и ежедневно **слушаю** там проповеди...» [11, с. 20]. Использование с существительным *проповедь* актуализирует прямое значение глагола «обращать, направлять слух на какие-л. звуки, чтобы услышать; воспринимать слухом» [3, с. 1214].

Аналогичное употребление обнаруживает глагол *выслушать*: *Николай спокойно **выслушал** это и, указав на соседний пустырь, спросил меня: «Какого Вы мнения об этом участке?»* [11, с. 19]. Данные более широкого контекста, в котором описывается разговор равноапостольного Николая и руководителя одной из частных школ в Японии, позволяют заключить, что местоимение *это* указывает на речь, которая может быть воспринята с помощью органов слуха.

Функционирование эмотивов в агиографическом тексте

Анализ эмотивной лексики, функционирующей в жизнеописании святого равноапостольного Николая Японского, позволил сделать ряд наблюдений, касающихся путей развития данного лексического множества и изменений характеристик агиографического текста.

С точки зрения функционирования эмотивных лексем в анализируемом тексте можно отметить следующие закономерности: 1) возрастание частотности лексем, обозначающих отрицательные эмоции; 2) предельность характеризуемых чувств; 3) стилевое смешение.

1. В эмоциональной палитре жизнеописания значительную роль играют отрицательные чувства: *Иногда отец Николай сталкивался и с откровенными проявлениями злобы и ненависти — на улицах Хакодата его оскорбляли, иногда могли кинуть чем-нибудь вслед* [11, с. 17]. Существительное *злоба* употреблено в прямом значении «чувство злости, недоброжелательства к кому-н.» [15, с. 278], «чувство недоброжелательства, враждебности по отношению к кому-л.; желание причинить зло» [12, т. 1, с. 612] и обозначает отрицательную эмоцию высокой степени интенсивности, направленную на объект и требующую внешнего проявления. Существительное *ненависть* — «чувство сильной вражды, злобы» [15, с. 512], «чувство сильнейшей вражды, неприязни» [12, т. 2, с. 456], — как свидетельствует словарная дефиниция, выступает близким синонимом лексемы *злоба* и выражает крайнюю степень интенсивности этого чувства. Из контекста следует, что внешним проявлением эмоциональных переживаний злобы и ненависти выступает оскорбление. Глагол *оскорбить* (сов. к *оскорблять*) отмечен в словарях в прямом значении «тяжело обидеть, унижить» [15, с. 577], «крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства» [12, т. 2, с. 647] и в этом значении может быть отнесен к глаголам качественного состояния [14, с. 537]. Однако контекст явно свидетельствует о наличии внешнего проявления. В этой связи можно говорить о выражении данной лексемы значения «проявлять (проявить) негативное, злое отношение к кому-л., тяжело обижая, унижая кого-л. своими словами или поведением» [14, с. 601]. Авторы Толкового словаря русских глаголов видят в данном случае реализацию семантики отношения и включают *оскорблять* в ЛСГ глаголов внешнего проявления отношения. Однако из определения ясно, что по сути речь идет о некоем действии, результатом которого становится сильное эмоциональное переживание объекта.

Важно отметить, что по отношению к отрицательным чувствам охарактеризован и сам святой: *Однако, отец Николай не впал в уныние от трудностей и не оправдавшихся ожиданий* [11, с. 17]. Существительное *уныние* зафиксировано в словарях в значении «безнадежная печаль; гнетущая скука» [15, с. 1029], «мрачное, подавленное состояние духа» [12, т. 4, с. 499]; глагол *впадать* — в переносном значении «прийти в какое-н. (неприятное, тяжелое) состояние или прийти к чему-н. (неправильному) в поведении, взглядах» [15 с. 115], «дойти до какого-л. состояния, положения (обычно тяжелого, трудного)» [12, т. 1, с. 220]. Дефиниции свидетельствуют о том, что подразумевается отрицательное чувство высокой степени интенсивности. Предельность проявления эмоционального переживания, а также его характер закреплены в семантике как существительного, так и глагола. Автор жизнеописания, выбрав данные языковые единицы, показывает, что в данной ситуации святой проявляет необычную стойкость духа.

Однако отрицательные конструкции с лексемами, обозначающими негативные чувства, не всегда просты в интерпретации: *Вот так вспомнил об этом времени один из жителей Хакодата Янагита Токичи — руководитель одной из частных школ: «...Однако Сузуки доложил мне после, что проповедник Николай не подчинился распоряжению и продолжает без стеснения посещать занятия. Я был возмущен»* [11, с. 18]. Существительное *стеснение* употребляется в переносном значении «проявление стеснительности, застенчивости» [15, с. 942], «ощущение неловкости, смущения, отсутствие непринужденности в поведении» [12, т. 4, с. 264]. В данном случае наблюдается двойственность оценки эмоционального переживания, поскольку по шкале удовольствия / неудовольствия, согласно которой принято разделять эмоции на положительные и отрицательные, стеснение является отрицательным чувством, тогда как с точки зрения социальных норм стеснение может восприниматься как проявление скромности, а значит, представляет собой положительное чувство. Существительное *стеснение* связано деривационными отношениями с глаголом *стесняться*, для которого в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка дается следующее пояснение: «В большинстве употреблений **стесняться** обозначает менее интенсивную эмоцию, чем три другие синонима [**стыдиться, смущаться, конфузиться**]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что она почти не проявляется внешне, находится полностью под контролем сознания субъекта и даже управляется им, а конфликт между желанием что-то сделать и препятствующими этому обстоятельствами часто разрешается в пользу желания. Языковым выражением последнего свойства является тяготение **стесняться** к закреплению в отрицательном контексте...» [9, с. 418]. Последнее замечание подтверждается и анализируемым контекстом. Глагол *стесняться* употребляется и в самохарактеристике святого: *Кроме этой школы, я посещаю также и буддийскую школу при храме секты «Синсиу» и ежедневно слушаю там проповеди, и во всех случаях, когда у меня возникают сомнения, я не стесняюсь спрашивать* [11, с. 20]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что оценка данного эмоционального переживания определяется его причиной.

2. Признак интенсивности оказывается важным для эмотивной лексики, что проявляется как в языке (интенсивность становится основой для развития значений), так и в тексте.

Предельность проявления эмоциональных переживаний находит различное обозначение: контекстуальные уточнители меры и степени, выраженные наречиями (*Услышав обо всем этом, я был очень изумлен столь трогательным проявлением горячей верности по вере* [11, с. 30], *Такое положение вещей очень огорчало отца Николая* [11, с. 35]) и согласованными прилагательными (*Несмотря на огромную любовь к Родине и к Русской Церкви, он не собирался слепо копировать русские церковные традиции синодального времени* [11, с. 34]), в том числе в превосходной степени (*Наибольшую ненависть вызывал у него священник консульской церкви отец Николай* [11, с. 23]).

3. Язык жизнеописания Николая Японского характеризуется включением иностилевой лексики, своеобразным смешением стилей. Данная черта часто определяет своеобразие современных агиографических текстов. Рассмотрим ряд контекстов.

3.1. *Так что очень скоро число его слушателей увеличилось – его духовные чада приводили к нему своих знакомых – молодых самураев, которые были **обескуражены** крушением привычного строя и искали, где обрести смысл жизни* [11, с. 27]. Краткая форма лексемы *обескураженный*, имеющей значение «растерянный, озадаченный» [15, с. 534], «лишенный уверенности в себе, растерянный» [12, т. 2, с. 529], означает отрицательное чувство средней степени интенсивности и имеет разговорный оттенок.

3.2. *Все они были **шокированы** предложением своего духовного наставника, ибо считали себя новообращенными, не готовыми к священническому служению* [11, с. 36]. Глагол *шокировать* фиксируется в толковых словарях в значении «ставить в неловкое положение, вызывать неприятное чувство несоблюдением общепринятых норм приличия» [12, т. 4, с. 725], «привести(-водить) в смущение нарушением правил приличия, общепринятых норм; вообще приводить в состояние шока» [15, с. 1111] и может сопровождаться пометой «книжное». В этом случае, по-видимому, устанавливается связь с лексемой *шок* как медицинским термином – «угрожающее жизни человека состояние, возникающее в связи с реакцией организма на травму, ожог, операцию и т. д.» [12, т. 4, с. 725], – получившим широкое распространение в значении «тяжелое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения» (без помет) [15, с. 1111].

3.3. *Но даже потеря близкого друга **не повергла** владыку в отчаяние. Он по-прежнему, **возложив** все упование на Бога, продолжал создавать Японскую Церковь* [11, с. 44]. Существительное *отчаяние* – «состояние безнадежности, безвыходности, упадок духа» [12 т. 2, с. 721], «состояние крайней безнадежности, ощущение безвыходности» [15, с. 601] – употребляется с глаголом *повергать*, который с предлогом *в* и существительным, обозначающим состояние, имеет семантику «привести в то состояние, которое выражено существительным» [12, т. 3, с. 721] и сопровождается пометой «высокое» [15, с. 657]. Существительное *упование* – «твердая надежда» [12, т. 4, с. 503], «то же, что надежда» [15, с. 1030] – сопровождается в словарях пометами «устарелое», «высокое» и «книжное». Глагол *возложить*, выступая в сочетании с существительным *надежда* в значении «надеяться», образует фразеологическую единицу с книжной окраской [15, с. 104].

Таким образом, в современном агиографическом тексте в полной мере отражаются общезыковые динамические процессы развития денотативной части лексических значений эмотивов, а также формирования функционально-стилевой окраски данных лексем.

Заключение

Проведенный анализ употребления перцептивной и эмотивной лексики в «Жизнеописании святого равноапостольного Николая Японского» позволил прийти к некоторым выводам.

В анализируемом тексте установлены значимые для описания равноапостольного перцептивные процессы. Доминирующим процессом является зрительное восприятие в силу его особой значимости при взаимодействии с окружающим миром и, как следствие, широкой представленности в тексте. В прямых значениях глаголов зрительного восприятия получает отражение специфика перцепции с помощью органов зрения. В переносных значениях отражена связь восприятия с мыслительной деятельностью. Релевантно также описание процесса получения святителем информации об окружающем мире с помощью чутя, интуиции – особое «восприятие» происходящего, которое выходит за границы органов чувств и становится наградой за веру и дела святого. Такое использование перцептивных единиц, среди которых есть и стилистически маркированные («книжное», «устарелое», «высокое»), свидетельствует о наследовании современным текстом житийной традиции.

Особенности употребления эмотивной лексики косвенно свидетельствуют о трансформации житийного канона, находящей свое отражение в возрастании доли эмотивов, обозначающих отрицательные эмоциональные переживания, а также во включении иностилевой лексики (как книжной, так и разговорной).

Тем не менее признак интенсивности эмоционального переживания продолжает играть значимую роль при отборе лексемы, а также ее контекстуальном оформлении. Складывавшаяся веками система приемов выражения силы чувства находит свою репрезентацию в разнообразных контекстуальных уточнителях.

Изменения, происходящие в семантике эмотивов, также отражают своеобразное размывание жанровых границ и иллюстрируют общезыковые процессы развития значений. Однако и здесь остаются такие константные черты, как устойчивые метафорические переносы, отражающие традиционную образность.

В целом сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что язык жизнеописаний нового времени обладает определенным функционально–стилистическим своеобразием, однако позволяет увидеть преемственность житийной традиции.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
4. Владимир (Швец), архимандрит, Сорочан С.Б. Введение в агиографию. Харьков, 2015.
5. Дмитриева Е.Г., Сафонова И.А. Глаголы восприятия и эмоций в древнерусском языке vs тексте: функционально-семантическая характеристика // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2015. №4 (28). С. 25–33. doi: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.3>.

6. Лопушанская С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград, 1988. С. 5–19.

7. Лопушанская С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. Волгоград, 2000. С. 20–29.

8. Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. 2011. №1. С. 95–102.

9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.

10. Сафонова И.А. Перцептивная лексика как средство создания образов подвижников благочестия в агиографических текстах XVIII–XX вв. // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : сб. ст. по матер. VII междунар. науч. семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета (Саратов, 1 ноября 2019 г.) / отв. ред. О.И. Дмитриева. Саратов, 2020. С. 97–105.

11. Святой равноапостольный Николай Японский / сост. А.А. Маркова. М., 2014.

12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.

13. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991.

14. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 1999.

15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011.

Об авторах

Евгения Геннадьевна Дмитриева — канд. филол. наук, доц., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: eg_dmitrieva@volsu.ru

Ирина Александровна Сафонова — канд. филол. наук, доц., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: ia_safonova@volsu.ru

The authors

Dr Evgeniya G. Dmitrieva, Associate Professor, Volgograd State University, Russia.

E-mail: eg_dmitrieva@volsu.ru

Dr Irina A. Safonova, Associate Professor, Volgograd State University, Russia.

E-mail: ia_safonova@volsu.ru